

Поверх бумажного свертка лежал еще один, завернутый в промасленную бумагу. Ван Шицзин поднял его, даже не разворачивая, понимая, что там внутри.

Сразу сунув сверток в руки Ван Ни, он сказал:

— Ваш маменька купил вам немного сладостей, разверните, посмотрите.

Сладости!

Ван Цин тут же помог сестре развернуть бумагу. В глаза бросились красивые, источающие аппетитный аромат лакомства, снова вызвав у детей восторженные возгласы.

Ван Шицзин проговорил:

— Съедите по половинке, вы и так плотно пообедали, не набивайте животы.

Ван Шицзин помнил, как во время обеда Шао Юньань всё переживал, что у детей разболится живот от переедания.

Ван Ни попросила брата взять угощение. Ван Цин взял один кусочек, сначала отломил и отдал половину сестре, а вторую съел сам.

Это же сладость... Какая вкусная, как же сладко!

Пока дети уплетали сладости, Ван Шицзин продолжил выкладывать покупки.

Гора мяса, куча приправ... откуда здесь лекарственные травы? Ван Шицзин и сам купил немного мяса, но точно не в таком количестве.

Мм? Еще яблоки и груши!

Ван Цин и Ван Ни, только что доевшие свои половинки сладостей, уставились на гору мяса, костей и фруктов. У них снова слюнки рекой потекли.

Маменька купил столько вкусного!

Откуда у маменьки столько денег? Неужели это его свадебное приданое в серебре?

Дети с жадностью сглотнули слюну.

Ван Шицзин выложил всё до конца и посмотрел на детей:

— То, что мы купили в дом и что едим, никому не рассказывайте. Если кто-спросит, говорите, что у нас всё как у всех.

Дети тяжело закивали — они всё понимали.

Если бабушка, второй дядя или тетушка узнают, они ведь непременно заявятся и всё отнимут!

Сначала Ван Шицзин отнес в комнату книги и письменные принадлежности. Всё это купил Шао Юньань, а использовать ли вещи детям — решится после того, как Шао Юньань выпится и сам всё распределит.

Затем он перетащил всё мясо и остальное в кухню, которая уже почти заполнилась.

Велев детям тоже идти в комнату отдыхать, Ван Шицзин разделил купленное им самим мясо на две части и, прихватив свертки, снова вышел из дома.

Староста и глава клана приложили немало усилий, чтобы их разделение прошло успешно, да и в дальнейшем его семье еще не раз придется их беспокоить.

Ван Шицзин отнес мясо старосте и главе клана, а заодно пригласил четвертого дядю Ван и еще несколько семей прийти вечером на ужин.

Староста и глава клана неловко принимали мясо от Ван Шицзина. Стоило оно недешево, да и Ван Шицзин после раздела семьи остался с пустыми руками, так что жить ему было непросто.

Однако Ван Шицзин настоял, и обе семьи приняли подарки, но тут же в ответ сделали свои.

Семья старосты передала немного овощей и яиц — у самого Ван Шицзина сейчас не было ни клочка земли, и за овощами пришлось бы идти к соседям.

Глава клана Ван Вэньхэ тоже выделил овощей и яиц.

В нынешние времена в каждом доме куриные яйца копили, чтобы продать и выручить хоть какие-то деньги, да и держали птицу максимум по семь-восемь штук.

При нынешних ценах одно яйцо стоило целых шесть вэней, так что подарок был весьма ценным.

Раздав гостинцы, Ван Шицзин направился к западному краю деревни, в дом дяди Чжоу и тетушки Чжоу, чтобы договориться с ней насчет пошива одежды и одеял.

Семья Чжоу считалась приезжей, во всей деревне Сюэшуй насчитывалось всего пара-тройка дворов с такой фамилией.

Дядю звали Чжоу Цай, тетушка Чжоу носила девичью фамилию Ли, и у супругов был лишь один сын по имени Чжоу Тяньбао.

В детстве Чжоу Тяньбао переболел лихорадкой, и жар повредил ему рассудок. Он вырос немного блаженным, и в свои двадцать лет даже не мог найти невесту.

Чжоу Тяньбао уродился крепким и смуглым парнем, в поле он был мастером на все руки, вот только в быту нуждался в постоянном присмотре.

Шао Юньань упомянул, что нужно сшить одежду, и Ван Шицзин первым делом подумал о том, чтобы попросить о помощи тетюшку Чжоу.

И действительно, стоило Ван Шицзину заикнуться о том, что тетюшке Чжоу нужно помочь сшить комплект верхней и нижней одежды на всю семью из четырех человек, а также сделать два одеяла и матраса, предложив за всё триста вэней, как она пришла в неопиcуемый восторг.

Сын был непутёвым, земли у семьи Чжоу немного, а в последние годы налоги стали высокими, да и покупные вещи подорожали.

Эти триста вэней равнялись заработку за добрые полмесяца тяжелой поденной работы на чужих полях!

Дядя Чжоу и тетюшка Чжоу оба сочли плату слишком щедрой, но Ван Шицзин возразил, что сумма справедливая.

Одежда на четверых — верхняя и нательная, по комплекту на каждого, а это шестнадцать вещей, да еще ватные одеяла и матрасы — всё это требует немало времени и изнуряет глаза.

Если Шао Юньань захочет заказать что-то еще, они доплатят сверху.

В их доме никто не умел шить, и в будущем им неизменно придется обращаться к тетюшке Чжоу.

Работа тетюшки Чжоу наверняка окажется ладной и удобной, а заодно это принесет супругам дополнительный заработок.

Ван Шицзин отсутствовал дома три года, а теперь еще и порвал связи с главным родом, поэтому ему было жизненно необходимо налаживать отношения с односельчанами.

Такая щедрость Ван Шицзина заставила дядю Чжоу и тетюшку Чжоу чувствовать себя неловко.

Ведь в день переезда они даже не смогли толком ничем помочь.

Тетюшка Чжоу тут же набрала для Ван Шицзина свежих овощей — всё со своего огорода, так что хлопот и затрат никаких.

Когда Ван Шицзин вернулся домой, его руки были заняты полными корзинами зелени — можно было три дня не думать о покупке овощей.

□

Шао Юньань от души выпался. Пожалуй, это был его самый крепкий сон с момента переселения в этот мир.

Когда он проснулся, в комнате уже стемнело. От долгого сна руки и ноги казались ватными. Толкнув дверь, он шагнул наружу, и его тут же окликнули:

— Маменька.

— Ницзы, сколько времени?

— М?

Из кухни вышли двое — Ван Шицзин и Ван Цин.

Только тут Шао Юньань пришел в себя и переспросил:

— Который час? Кажется, я проспал очень долго.

Подал голос Ван Шицзин:

— Уже за полночь по местному счёту, время на исходе часа ю. Проголодался?

Шао Юньань мысленно перебрал: цзы, чоу, инь, мао... час ю — это же между пятью и семью вечера?

Окончательно очнувшись, Шао Юньань ответил:

— Нормально, не сказать чтобы сильно голоден, я же плотно пообедал.

Только теперь он заметил, что все трое заняты хлопотами, а Ван Ни и вовсе моет огромный таз с овощами.

Шао Юньань закатал рукава и спросил:

— У нас сегодня кто-то будет ужинать?

Ван Шицзин виновато пояснил:

— Я позвал семьи, которые помогали нам вчера, поужинать вместе. В дальнейшем нам еще не раз придется их беспокоить.

Мясо, что ты купил, уйдет во многом на угощение. Я тоже прикупил немного и кое-что отнес старосте и главе клана.

За потраченное мясо я отдам тебе деньги серебром. Шао Юньань, покупая мясо, вовсе не собирался съедать его в одиночку.

Он махнул рукой и небрежно бросил:

— Всё это добро было куплено как раз для того, чтобы его использовать. В деревне нам неизменно понадобится чья-то помощь, так что долг платежом красен. Когда они придут?

Хотя между ними не было супружеских чувств, им всё равно предстояло жить под одной крышей — по крайней мере, какое-то время, — поэтому не было нужды мелочиться и делить всё до последней монетки. Конечно, если бы Ван Шицзин во всём пытался урвать выгоду для себя, Шао Юньань не был бы столь щедр.

Увидев, что Шао Юньань не сердится, Ван Шицзин тоже мысленно вздохнул с облегчением. Он вовсе не собирался наживать за чужой счёт: просто его не было в деревне целых пять лет, а теперь он вернулся сюда насовсем, и ему так или иначе придётся с кем-то общаться. В деревне те, кто первым спешит на помощь в трудную минуту, — это как раз те люди, с которыми стоит заводить знакомства. Те, кто помогал ему вчера, — это те самые семьи, с которыми ему в будущем предстоит поддерживать тесные отношения. Он порвал со своим кланом, но не мог порвать со всей Сюэшуйцунь. Больше контактов, больше хороших связей — всё это пойдет на пользу их семье из четырёх человек.

Самый простой способ наладить общение — это взаимный обмен подарками и знаками внимания.

Ван Шицзин сказал:

— Когда еда будет готова, я пошлю Цин-гэра позвать их.

Шао Юньань ответил:

— Я сначала умоюсь. Ужин приготовлю я, твоей стряпне я не доверяю. Ты иди мой овощи, вода холодная, не позволяй малышке Нэнь-эр прикасаться к холодной воде. Цин-гэр поможет мне развести огонь, а ты, малышка, иди поиграй.

Маленькая Ваня тут же запротестовала:

— Вода не холодная! Я могу мыть овощи, я умею делать много разной работы! Сколько она себя помнила, у неё никогда не было понятия «играть».

Шао Юньань подошел, поднял Ван Ни за руку и потащил за собой на кухню:

— Раньше было раньше, а теперь приучайся к хорошему: поменьше возись с холодной водой.

Он вытер ей руки полотенцем и нахмурился:

— Посмотри, какие у тебя ледяные руки. Если девочки часто трогают холодную воду, они потом болеют. Скоро к нам придут гости, я купил сладости — достанешь их и угостишь всех, когда они соберутся. Через пару дней я снова поеду в уездный город и куплю тебе еще.

Щеки Ван Ни слегка порозовели, и ей показалось, что мачех такой добрый, такой невероятно добрый, что она невольно вспомнила родную мать.

А вспомнив мать, она подумала о том, как тяжело им с братом пришлось после её ухода, и едва не заплакала.

Заметив это, Шао Юньань присел на корточки:

— В чем дело, малышка Ни?

По правде говоря, эти двое детей Ван Шицзина были невероятно послушными и смысленными — совсем не похожими на тех несносных избалованных сорванцов, которых он знал.

Ван Ни опустила голову, сжала в ответ руку мачеха и с застенчивой робостью тихо произвела:

— Мачех... мачех, ты... такой хороший.

Шао Юньань улыбнулся и легко ущипнул Ван Ни за щеку:

— Ну всё, мачех будет о тебе заботиться. Иди доставай сладости, а я пока займусь ужином. Приготовлю для моей малышки Ни нежного мяса. Жирное пока нельзя, от него у тебя разболится живот.

Ван Ни подняла голову, озарив всё вокруг чистой детской улыбкой. Ван Цин и Ван Шицзин наблюдали за всем со двора. Ван Шицзин потрепал сына по голове:

— Иди помоги растопить очаг, а отец помоев овощи.

Ван Цин шмыгнул носом и молча вошел на кухню. Шао Юньань похлопал Ван Ни по плечу, и та выбежала из кухни за сладостями.

Хотя ей было очень жаль расставаться с угощением, она послушалась слов папаши — он пообещал купить ей еще.

Ван Шицзин уже поставил на пар кукурузные вовоу, которые выглядели намного лучше той лепешки, что ел Шао Юньань, — по крайней мере, это были самые настоящие паровые булочки.

Шао Юньань по очереди достал приправы, которые прибрал Ван Шицзин, и разбил в миску шесть яиц. Вечером должно было прийти человек десять, так что еды требовалось приготовить вдоволь.

— Шицзин-гэ, достань-ка и то вино, что принес сегодня.

В следующую секунду с улицы донесся голос моющего овощи Ван Шицзина:

— Ни-цзы, принеси-ка еще и вино!

— Есть!

Голос девочки прозвучал звонко и радостно.

Сидевший перед печью и молча подкладываявший дрова Ван Цин не удержался:

— Папа, если другие люди увидят, станут говорить.

— Что говорить? — Шао Юньань опустил взгляд.

Личико Ван Цин в отсветах пламени выглядело очень серьезным и озабоченным:

— Будут... будут говорить, что у нашего дома столько хороших вещей. Чужие люди станут судачить.

И это они называют хорошими вещами? Воспоминания прежнего владельца, хранившиеся в голове Шао Юньаня, кольнули его, и он закатил глаза к потолку. Нагнувшись, он крепко взъерошил волосы Ван Цину и успокоил его:

— Мы с твоим отцом сумеем закрыть людям рты, так что ешь смело и ни о чем не беспокойся.

Ван Цин поджал губы и снова робко напомнил:

— А если бабушка узнает... она будет недовольна.

Шао Юньань мысленно фыркнул: «И пусть себе будет недовольна. Неужели ради ее довольства нам теперь и жить хорошо нельзя? Наплевать, довольна она или нет».

Вслух же он произнес:

— Вы с ней и с тем домом больше никак не связаны. Твой отец заново переписал с бабушкой и бабушкой договор о разделении семьи. Теперь их дела нас не касаются, а наши — их. Если что случится, мы с твоим отцом прикроем, так что ничего не бойтесь.

Ван Цин поднял голову и какое-то время смотрел на папу, после чего опустил взгляд и тяжело произнес:

— Угу.

Едкая сварливость бабушки, второго дяди и второй тетки, а также холодное равнодушие тетюшки и младшего дяди были для Ван Цина сущим кошмаром. Теперь же отец вернулся, да к тому же появился папа, который казался таким сильным и способным. Ван Цин мысленно взмолился, умоляя лишь о том, чтобы прежние дни никогда больше не возвращались ни к нему, ни к сестренке.

Если бы сейчас Шао Юньань не заметил, как тяжело жилось обоим детям в том доме, он был бы просто слепцом.

Ван Шицзин закончил мыть овощи и вошел внутрь. Шао Юньань завязал фартук:

— Посмотри, что еще нужно приготовить, а кухня теперь моя.

— Я пойду займу столы.

— Иди, иди!

Шао Юньань взял кухонный нож и принялся шинковать овощи, оставив мясо напоследок.

<http://bllate.org/book/25688/3067921>